

ца КИСС.

К нашему № 1866. Вечером после того, как Родригес уехал из резиденции, нас посетил Фидель Кастро, использовавший в качестве повода для визита замену одного слова в письме к У Тану, не вносящего изменения в смысл фразы. Беседа продолжалась около часа.

Фидель Кастро сказал о своём послании следующее:

"Мы думаем, что это начало, определяющее общую точку зрения для решения вопросов. Исходя из общей обстановки, нам следует искать выход. Так у нас возникла идея написать это послание, чтобы помочь Советскому Союзу выйти из создавшегося положения. Хотя у нас и имеются некоторые расхождения, и мы сами предпочли бы иное разрешение вопроса, но в создавшейся обстановке мы считаем своим долгом помочь Советскому Союзу. Я считал, что в ответ на требование американцев о выводе ИЛ-28 с Кубы Советское правительство могло бы добиться:

1. Оформления гарантий со стороны США.
2. Прекращения полётов американских самолётов над Кубой и
3. Снятия карантина.

Я думал, что эти требования Советский Союз выдвинет в ответ на требование о выводе ИЛ-28. Однако Советский Союз большее внимание уделил борьбе за то, чтобы не допустить полной блокады Кубы.

Сами мы были готовы выстоять и против блокады с тем, чтобы Советский Союз не шел на уступки.

Я полагаю, что решение относительно вывода ИЛ-28 вами уже принято, однако, если Кеннеди сделает угрожающее, заносчивое заявление, он тем самым поставит Советский Союз в неприятное, сложное положение. В конечном счете угроза блокады вплоть до недопущения доставки горючего не так уж страшна - мы могли бы сопротивляться долго: год - два. У меня есть план на случай общей блокады:

моральный дух нашего народа так высок, что, по моему мнению, существуют условия для того, чтобы выдержать и это испытание. Мы выстояли бы. Враги не удушили бы революцию с помощью блокады. Конечно, нам пришлось бы принять жесткие меры, но империализм оказался бы в очень невыгодных условиях — среди народов Латинской Америки возникли бы брожение и волнения. Мы не должны бояться блокады. Это не сломит революцию".

Я не считал нужным, чувствуя усталость Фиделя, объяснять в данной беседе неправильность его суждений. Блокада, о судьбе кубинской революции и прочее. Об этом я буду говорить с ним в другой подходящий момент более подробно. Сказал ему, что с пониманием отношусь к его высказыванию в отношении ИЛ-28 и позиции СССР. Напомнил, что еще несколько дней тому назад информировал его, что, соглашаясь на вывоз ИЛ-28, Хрущев требует от американцев немедленного снятия карантина, прекращения облётов кубинской территории, быстрого оформления в ООН обязательства американцев о ненападении на Кубу.

Американцы согласились выполнить первое требование, отказываясь принять второе, пока не будет системы международного контроля. В отношении третьего — они согласились повторить всё, что было об этом сказано в послании Кеннеди.

Тогда Вы предложили, сказал я Фиделю, вопрос об облётах не связывать с выводом ИЛ-28, ибо Вы собирались послать протест в ООН и предупредить, что будете сбивать самолёты зенитным огнём. Вы правильно предложили тогда, чтобы вопрос о выводе ИЛ-28 связать только с прекращением карантина. Я об этом сообщил товарищу Хрущеву.

Фидель не возражал против этих моих утверждений.

Американцы заинтересованы затянуть переговоры дипломатически, мы, наоборот, заинтересованы ускорить, сказала я далее, и это в интересах Кубы. Нам нужно иметь тесное сотрудничество в этой дипломатической борьбе, за её успешное завершение. Своими действиями и выступлениями не подливать воды на мельницу оголтелых агрессивных кругов США. Наоборот, содействовать курсу на достижение соглашения в интересах Кубы на основе обмена посланиями между Н.С.Хрущевым и Кеннеди. И у нас такое мнение, что Кеннеди трудно отступить от этого.

Я сказал ему, что советские ракеты, доставленные на Кубу, а затем вывезенные, после получения гарантии о ненападении на Кубу, не только не усилили угрозы нападения на Кубу, как некоторые могут думать, но, наоборот, предотвратили такое нападение. Ведь факт, что еще до

того, как ракеты были доставлены на Кубу, еще до того, как американцы об этом унюхали, во второй половине сентября американцы объявили о военно-морских учениях с высадкой десанта в составе 20 тысяч солдат на остров Вьекес. Эти учения не были в планах военных маневров военно-морских сил США, объявленных на этот год. Подобные маневры были уже осуществлены с высадкой на этом острове по плану предыдущего года, и не было смысла их снова повторять. К тому же во главе их был назначен командир не соответствующего ранга, а командующий всеми десантными силами США в Атлантическом океане. Ураган, на который американцы сослались, мог прервать учения, но не мог привести к отмене их совсем. Все было собрано для нападения на Кубу. Узнав же о наличии советских ракет на Кубе, американцы оказались вынужденными перестроить свой план, подготовиться к тому, чтобы первым ударом вывести из строя ракетные установки, а затем совершить вторжение.

Открытое послание Хрущева о готовности вывести ракеты снова смешало их карты и сорвало нападение.

Фидель слушал внимательно, не возражая. Затем он заметил, что на врага действует, когда с нашей стороны принимаются активные меры и, наоборот, враг становится требовательнее, когда он видит, что ему делают уступку за уступкой.

Я ответил: Вы правильно говорите, что нельзя делать противнику уступку за уступкой. Это правильная тактика для борьбы с противником, мы ее и придерживаемся. Согласие на вывод ИЛ-28 нельзя рассматривать как новую уступку, поскольку, хотя в посланиях Хрущева о них не говорилось, но давалось согласие на вывод оружия, которое президент США назвал наступательным. Кеннеди действительно несколько раз говорил о бомбардировщиках. Формально бомбардировщики, конечно, оружие наступательное, хотя ввиду устарелости ИЛ-28 таковым уже не является. На этом основании мы стали оспаривать наступательный характер ИЛ-28 и отказывались их вывезти. Потом, взвесив всё, и, поскольку военное значение этих самолётов мало и у президента есть такое основание рассматривать отказ их вывезти как неполное выполнение наших обязательств, мы дали согласие на их вывоз при условии немедленного снятия карантина. Ни о каких новых уступках, следовательно, речь не может идти.

Я подчеркнул важность оформления обязательства Кеннеди о ненападении в ООН, так как в таком случае оно приобретает характер международного документа. После снятия блокады Куба сможет обеспечить быстрый расцвет экономики. Последнее подтверждается всем, что мы видели здесь, на Кубе, при посещении сельскохозяйственных предприятий, то же самое будет и в промышленности.

Дипломатическую борьбу, сказал я, следует вести гибко и умело. Конечно, у Вас шок от вывоза ракет, однако на Кубе остаются мощные силы и средства. Таких сил Вы никогда не имели.

Фидель Кастро перебил меня, заявив, что все эти силы и средства могут быть уничтожены в 15 минут, так как враг знает в результате фоторазведки их расположение. Ответил, что их можно перегруппировать. Фидель сказал, что он сообщил в последние дни командованию советских войск, что все зенитные средства, включая центральный пост управления огнём, рискуют быть уничтоженными. Я возразил, отметив, что американцы не осмелятся сейчас это сделать, зная о том, что здесь — советские войска. Добавил, что позднее осуществим перегруппировку.

Я отметил, что, если соотношение сил в мире в нашу пользу, то в районе Карибского моря американцы занимают выгодное положение. Однако соотношение сил в мире связывает американцев. Привел аргументы о возможностях нажима в Берлине и других местах. Отметил, что было бы полезно, если бы китайцы ударили по Гонконгу, Тайваню, Макао.

Фидель, волнуясь, рассказал о наглой бомбежке американцами кубинского парохода "Рио Домохе", шедшего из Канады. На широте Чарлстона, после трёхдневной слежки, в темноте американский самолёт, сделав четыре захода, сбросил несколько бомб, разорвавшихся в 30-50 футах от корабля. Он добавил с возмущением, что если бы бомбы попали в цель, то корабль пропал бы без вести.

Я отметил, что американцы настоящие пираты.

Вы знаете, товарищ Фидель, сказал я ему, что мы делаем и сделали всё необходимое для защиты Кубы — даем людей, материалы, оборудование, оружие, не считаем деньги. Но Вы должны знать, что мы не можем пойти на термоядерную войну — это грань, которую мы не можем перейти.

Фидель поддержал: это правильно, он и сам такого же мнения, этого нельзя допустить. Ведь Куба перестала бы существовать — продолжал я. Погибли бы многие миллионы людей. Те, кто выжили бы, никогда не простили бы коммунистическому руководству того, что оно не использовало всех возможностей для избежания войны. В таком случае коммунизм

потерял бы свою притягательную силу в глазах людей. Мы пошли по другому пути. Отстояли мир, защитили Кубу.

Теперь нельзя останавливаться на полпути. Нам следует определить свою позицию по отношению к новой идее У Тана. Мне передали, продолжал я, что Ваш ответ будет дан завтра.

Фидель заметил на это, что вопрос о многостороннем контроле должен быть составной частью всей совокупности проблемы. В противном случае, сказал он, мы предпочли бы обойтись без гарантий. Кеннеди дал обязательства не нападать, но их не гарантирует. Несмотря на эти обязательства, он может напасть даже без всякого повода.

Я привел аргументы относительно значения оформления этих гарантий в ООН, в результате чего они приобрели бы характер международного соглашения. Добавил, что американцы не захотят терять свой престиж.

Фидель возразил, сказав, что предлог они всегда найдут, могут организовать "самонападение" на базу Гуантанамо и прочее.

Ответил Фиделю, что американцы будут бояться сделать это. Ведь мы придем к ним в других местах, а им нужно решать и многие другие проблемы. Отметил, что США бояться новых изменений соотношения сил в пользу социализма, что три года назад благодаря кубинской революции соотношение сил также еще больше изменилось в пользу социализма. Привел в качестве примера соглашение по лаосскому вопросу. Кеннеди пришлось отступить, составившись на то, что лаосский вопрос достался ему в наследство от Эйзенхауэра.

Фидель задал вопрос: не намеревается ли Советское правительство предпринять какой-либо шаг до завтрашнего выступления Кеннеди.

Ответил ему, что пока не имел информации по этому вопросу и не думаю, что это необходимо. Добавил, что, как мне кажется, Кеннеди не будет выступать в воинственном духе, так как он сам заинтересован далеко не заходить. Но если дело так повернется, то мы в долгу не останемся. Затем Фидель высказал предположение, что факт опубликования кубинского заявления (письмо У Тану от 19 ноября) должно способствовать переговорам. Я ответил утвердительно. Это послание, добавил я, не дает возможности для спекуляции относительно предполагаемых расхождений между нами. Оно проникнуто духом равноправия и взаимности.

Фидель сказал, что они - не противники переговоров. Ответил ему, подчеркнул, что до тех пор, пока на международной арене не будут использованы все дипломатические фигуры, не следует использовать фигуры войны. Напомнил о нашем превосходстве в области ракет. Привел примеры их запуска в заданный район такого-то района.

о военном значении группового полёта космических кораблей, об отставании американцев в ракетостроении, о водородной бомбе в 100 мегатонн. Фидель в шутку заметил, что неплохо было бы одну из таких бомб бросить на Аденауэра. На это я сказал ему, что в диалоге с Кеннеди, когда тот упоминал о позиции Аденауэра, Н.С.Хрущев заметил, что Аденауэр может теперь утекать себя тем, что ракеты с Кубы будут нацелены на Западную Германию.

Тогда я заметил, что наши глобальные ракеты тщательно скрываются от воздушного наблюдения, Фидель, улыбаясь, сказал: "Был бы я советским, так же бы сделал".

Я сказал ему и о том, что с помощью наших спутников мы имеем детальные фотоснимки вражеской территории. Это произвело на него большое впечатление. Он поинтересовался, не сказались ли американские ядерные взрывы в атмосфере на возможностях используемых в этих целях средств. Ответил отрицательно.

Прощаясь Фидель сказал, что кубинский народ не дает возможности ^{х)} принимать решение, исходя лишь из соображений разума. Следует принимать во внимание и эмоциональный фактор. "Это, сказал он, трудно почувствовать в Советском Союзе, на расстоянии. Представьте себе, продолжал он, наши солдаты плакали в траншеях, не имея возможности стрелять по самолётам, проходящим на бреющем полёте. Это тяжело сказывается на моральном духе, а следует учитывать, что враг будет долго нам угрожать. Кубинцы войны не хотят, понимают ее опасность. Однако ненависть народа к империалистам так велика, что он как будто предпочел бы даже смерть: нам нужно теснее сочетать рассудок и эмоции. Революция углубляется, моральный дух народа окреп, возникло непримиримое отношение к врагу".

Я ответил ему, подчеркнув, что он пользуется таким авторитетом и доверием среди народа, что в его силах обеспечить желательное изменение умонастроения. Фидель ответил, что он сам виноват в создавшемся положении.

Если бы Вы знали, товарищ Фидель, сказал я ему на это, какую гибкость, какую маневренность в политике проводил Ленин в тяжелые годы сразу после революции. Ведь по Брестскому миру он отказался от огромной части нашей страны. Он считал, что время работает на нас и положение изменится. Так и случилось. В партии и в народе многие тогда не понимали и не поддерживали этих маневров Ленина. Даже Московский областной комитет партии открыто выступил против.

Вы могли бы объяснить своему народу так же, как это сделал Ленин 1918-ом году.

Текст, видимо, несколько искажен при передаче (В.Ч.).

Фидель ответил, что в первые моменты кризиса ему казалось, что "мертвые воскресли...". Я сказал ему еще раз, что он пользуется огромным доверием и уважением Н.С.Хрущева и всех членов нашего руководства.

"Товарищ Хрущев и ЦК постоянно помогают мне в наших с Вами переговорах, внимательно следит за ними, дает много советов, приводит в изобилии нужные аргументы, заботясь о том, чтобы я сумел дать Вам все возможности понять полностью наши позиции и добиться полного сотрудничества между нами в борьбе за защиту Кубы, против империализма.

Вот и сегодня, после того, как я вернулся со встречи во дворце, перечитал последнюю телеграмму Н.С.Хрущева, в которой он подсказывает новые аргументы в пользу принятия последнего предложения У Тана". В заключение подчеркнул, что у нас нет никаких национальных интересов на Кубе. Мы преследуем лишь интернациональные цели - становление коммунизма. Кубинская революция принесла империализму огромный урон. Фидель подад реплику, что Кубу нельзя победить, ее можно лишь уничтожить...

Я напоминал о намерениях Даллеса восстановить капиталистический строй в Чехословакии, Венгрии, Польше и других странах. Сказал, что в нынешних условиях такого рода намерения - пустой бред, от которого и Кеннеди теперь отказался. Обещал рассказать им о нашей позиции по берлинскому вопросу. Фидель ответил: "Товарищ Микоян, нас все интересует, все касается нас. Для нас важно понимание всех вопросов современной действительности". Я по-дружески заметил, что он теперь не партизан, а глава правительства. Чувствовалось, что ему было приятно это замечание. Прощаясь Фидель сказал, что он любит работать, но в эти дни это очень трудно.

Беседа была дружеской, братской, на ней присутствовали гг.Титов и Алексеев.

20.XI.62г. А.Никоян

Справка: № 1866-1867 (вх. № 52806) от 20.XI.62г. г.Никоян сообщил о беседе с г.Родригесом, во время которой последний ознакомил г.Микояна с текстом послания г.Фиделя Кастро на имя У Тана.